

Белла Верникова

Пришедший из забвения писатель и драматург Семен Юшкевич

Во второй половине 1980-х годов в литературный обиход стали возвращать имена изъятых ранее писателей Серебряного века, и в Биобиблиографический словарь «Русские писатели» 1990 г. была включена статья Б.С. Бугрова о Семене Соломоновиче Юшкевиче, где сказано: «Значения Октябрьской социалистической революции Ю. не понял и в 1920 г. эмигрировал во Францию». Отвечая на советское клише «значения революции не понял и эмигрировал» в публикации в журнале «Слово/Word» № 77 (Нью-Йорк, 2013) «Пили все необычайно, ели как один. К переизданию романа Семена Юшкевича «Леон Дрей», я заметила, что как раз очень хорошо понял. О чем свидетельствуют «мемуары Ивана Бунина и Веры Муромцевой, рассказывающей, что после установления в Одессе советской власти Юшкевич агитировал Бунина участвовать в агитпросвете, так как просвещать людей полезно при любой власти, но к 20-му году, наблюдая происходившее, в том числе еврейские погромы при белых и красных, и не в состоянии прокормить семью, эмигрировал с семьей в Румынию, откуда затем переехал в Париж. В 1921 г. он уехал в США, сотрудничал там с еврейской прессой, издавал свои книги, переведенные на идиш. В еврейских театрах Нью-Йорка ставились пьесы С. Юшкевича в переводе на идиш: «Miserere», «Человек воздуха» (обе – 1925), «Мендель Спивак» (1926) и др. По возвращении в Европу в 1922 г. писатель жил сначала в Германии, после 1924 г. в Париже, где умер в 1927 г.».

В моей статье в журнале «Слово/Word» отмечено, что забвение писателя Семена Юшкевича связано с тем, что он был

эмигрантом с табуированной в советскую эпоху тематикой – еврей*; эротика*; а также с его стилистикой – «тенденциями натурализма и символизма, исключавшими «спокойную бесстрастность» даже в бытописательских сюжетах». Указанные стилистические особенности прозы Семена Соломоновича Юшкевича считались с позиций соцреализма маргинальными в сравнении с реалистической манерой письма, снижающими литературный уровень.

О значении и популярности в дореволюционной России и в русской литературной эмиграции прозаика и драматурга Семена Юшкевича имеется ряд свидетельств, приведенных мною в книге «Из первых уст. Эссе, статьи, интервью» (М.: Водолей, 2015), перечислю их в произвольном порядке:

«в петербургских сборниках товарищества «Знание» в 1903-1905 гг. вместе с Семеном Юшкевичем печатались лучшие русские писатели – А. Чехов («Вишневый сад»), И. Бунин («Чернозем», «Памяти Чехова», стихи), М. Горький («Дачники»), А. Куприн («Поединок»), причем повесть Юшкевича «Еврей» в кн. 2 (СПб., 1904) и «Поединок» Куприна в кн. 6 (СПб., 1905) посвящены А.М. Горькому. Еще одно свидетельство того, что более поздняя репутация писателя не соответствует его значению в культурной жизни дореволюционной России» (стр. 250).

«тексты забытых авторов – от Осипа Рабиновича до Семена Юшкевича – вводили в региональный культурный обиход имена писателей, предшествовавших знаменитой одесской плеяде 1920-х гг. Что было обозначено в отзыве 2001 г. на мою диссертацию профессора Еврейского университета в Иерусалиме Леоны Токер: «...диссертация Б. Верниковой также участвует в процессе восстановления исторического и культурного наследия

* См.: Портнова Нелли. Уроки Семена Юшкевича // Лехайм. Апрель, 2009. № 4 (204) / <https://lechaim.ru/ARHIV/204/portnova.htm>;

Верникова Белла. Одесский текст: от Осипа Рабиновича к Юшкевичу и Жаботинскому // Дерибасовская – Ришельевская. 2014, № 56, 57; Верникова Белла. Русско-еврейская литература: трактовки и классификации // Лехайм. Октябрь, 2008, № 10 (198) / <https://lechaim.ru/ARHIV/198/vernikova.htm>

** См.: Маркиш Шимон. Эротизм в русско-еврейской литературе // Иерусалимский журнал. 2004, № 18 / http://www.antho.net/jr/18/markish_russian-jewish-literature.html

в России и Украине. Русско-еврейская литература, созданная в Одессе, получает признание в качестве важной части этого наследия» (стр. 35).

«Семен Юшкевич стал первым русским писателем, представившим на еврейском материале своеобразные начала одесской жизни, ее фарсы и трагедии. В повести Юшкевича 1903 г. «Евреи», изображающей жизнь бедных еврейских кварталов большого и богатого города (город не назван, но узнаваем, – это Одесса), с постоянной нищетой, тяжелым, изматывающим трудом на табачной фабрике, мелкой изнурительной торговлей, угрозой безработицы и голода; где молодые евреи, еще не задавленные непосильным трудом, ищут спасения в проникающих в их мир идеях сионизма или революционной борьбы; за всеми несчастьями еврейской жизни следует кровавое безумие еврейского погрома, еще одной страницы в многовековом мартирологе еврейского народа.

Еврейская жизнь Одессы в ее многообразных бытовых и лексических проявлениях определяет региональный характер прозы Юшкевича, о чем писал Андрей Левинсон в парижском сборнике памяти Семена Юшкевича» (стр. 132-133).

«В некрологе, опубликованном в парижской газете видным писателем русской эмиграции Борисом Константиновичем Зайцевым, также забытым в советское время, подчеркнута органичность таланта Семена Соломоновича Юшкевича, обусловленная его одесским бэкграундом... «Одессой, с ее живым, нервным, говорливым и бурливым народом», и замечательно передано ощущение литературного быта эпохи. «...Юшкевич был органический писатель, в этом его главная сила, он достигает наибольшего тогда, когда живописует художественно – любимых им людей Одессы, когда дает неподражаемый их язык, трепет и нервность, и неправильность этого языка, и их облики, сплошь живые» (стр. 203).

«В сообщении Татьяны Щуровой об одесской газете «Театральные отголоски» (1910, редактор-издатель Бер Шрайбер), в двух номерах которой дан подробный разбор пьесы С. Юшкевича «Комедия брака», приведен отзыв рецензента: «Пьеса вызвала страстные споры, делала полные сборы, то есть была «той типичной новинкой, которая заставляет о себе говорить всех и каждого» (стр. 178).

«Преемственность одесской литературной традиции первых трех десятилетий 20 в. – от Юшкевича к Бабелю – отметил критик Абрам Лежнев в некрологе Семена Юшкевича в газете «Правда» 1927 г. Годом позже эта литературная эпитафия была перепечатана в изданном в Москве тремя томиками романе Юшкевича «Леон Дрей», образце последней продукции частного книгоиздательства в СССР в преддверии монопольной эры Госиздата.

Абрам Лежнев: Умер в Париже Семен Юшкевич. Нынешнему читателю, особенно из молодежи, это имя скажет не очень много. Юшкевич жил в последние годы за пределами СССР как эмигрант и оказался вычеркнутым, выброшенным из литературной жизни Советской страны. ...А между тем в дореволюционное время Юшкевич был одним из видных писателей, каждое произведение которого находило широкий отклик, возбуждало много внимания и споров. Юшкевич был изобразителем еврейской городской бедноты, мещанства, одесской улицы. Он ввел в литературу задолго до Бабеля своеобразный жаргон Одессы (критика упрекала его в порче русского языка). В его творчестве редко слышались яркие революционные ноты, но явственно пробивалась сатирическая струя» (стр. 134).

«некролог Семена Юшкевича за подписью редактора «Последних новостей» Павла Милюкова еще одно подтверждение известности и популярности писателя, в советскую эпоху выброшенного из литературы и забытого на долгие десятилетия: «Семен Юшкевич – настолько известен как беллетрист, создатель особого вполне индивидуального стиля повестей из еврейского быта, неумолимый и бесстрашный реалист, пытливо и с незлобивостью большого ребенка всматривавшийся в проклятые вопросы эмигрантской суетни, – что эти немногие строки не могут ничего прибавить к его характеристике. Пусть они свидетельствуют только о нашей общей любви к этой открытой душе человека прежде всего, а потом уже писателя. «П. Н.» («Последние новости», парижская газета русской эмиграции) гордятся тем, что имели Юшкевича своим сотрудником и хранят о нем верную память. П. Милюков» (стр. 237-238).

«Помнили о Семене Юшкевиче и жившие в Москве писатели-одесситы, о чем пишет мемуарист (Михаил Ардов): «В двадцатых

годах близким приятелем Катаева был Лев Никулин, но потом они поссорились и, хотя оба жили в Лаврушинском переулке, не только не общались, но даже и не здоровались друг с другом. Я бы об этом не стал упоминать, кабы моя память не сохранила забавного двустишия, которое сочинил Лев Вениаминович. Это была эпитафия Катаеву:

Здесь лежит на Новодевичьем
Помесь Бунина с Юшкевичем.*

О приведенной псевдоэпитафии Л. Никулина см. также: Петрова Наталия (д-р филологич. наук, Пермский гос. университет). «Отче наш» – от погрома до холокоста (С. Юшкевич и В. Катаев) // IV-я Международная научная конференция «Одесса и еврейская цивилизация». Од., 2006 (стр. 177-178).

«О Семене Юшкевиче как литературном наставнике вспоминает С.И. Липкин, см. в статье Алены Яворской «Встречи с Семеном Липкиным» в 5-м номере «Мории» (стр. 179).

«В воспоминаниях Вадима Паустовского о времени знакомства его отца с И. Бабелем в Одессе Семен Юшкевич также присутствует. Бабель и Паустовский летом 1921 г. жили с семьями на даче на Большом Фонтане, где разработали устав клуба одесских литераторов, казначеем и почетным председателем «которого почему-то выдвигался Семен Юшкевич, уже успевший эмигрировать», а девиз предлагался такой: «Литераторы, назад к литературе!» (стр. 176).

Дореволюционную популярность писателя подтверждает и экранизация его повести «Леон Дрей», вышедшей в 1911 г. отдельным изданием в Москве. Немой фильм по прозе Семена Юшкевича был поставлен режиссером Евгением Бауэром в 1915 г. под названием «Леон Дрей. Покоритель женских сердец» (Le conquérant du coeur des femmes. Черно-белый, немой, игровой. 60 мин. Кинокомпания А. Ханжонков и К. В главных ролях: Николай Радин, Эмма Бауэр, Борис Борисов, Наталья Лисенко. Оператор Константин Бауэр. Фильм сохранился без надписей).

* Ардов Михаил. Вокруг Ордынки. Портреты. Новые главы // Новый мир. 2000, № 5

В рецензии в киножурнале 1915 г. критик фиксирует литературный статус Семена Юшкевича как «талантливого бытописателя еврейской жизни», характеризует литературную моду тех лет – увлечение проблемой пола, а в качестве достоинств фильма, как тогда говорили, отмечает юмор картины и то, что режиссеру удалось избежать грубого реализма:

«Талантливый бытописатель еврейской жизни Семен Юшкевич склонен к увлечениям литературной модой. ...«Леон Дрей» тоже носит на себе отпечаток увлечения проблемами пола. ...Однако ставивший «Леона Дрея» Е.Ф. Бауэр с редким тактом, с безупречным чувством меры разрешил трудную задачу. Дав яркие, талантливо скомбинированные картины, он избежал всех тех резкостей и того грубоватого реализма, который способен оскорблять зрителя. Как яркая иллюстрация сравнительно нового социального явления и превосходное, полное юмора воспроизведение картин еврейского быта, кинопьеса «Леон Дрей» представляет крупный интерес» (ВК. 1915, № 111/95, 22-23).

Владислав Ходасевич, один из авторов сборника памяти Семена Юшкевича «Посмертные произведения» (Париж, 1927), указывая на хлестаковство Леона Дрея, обращает внимание на его общечеловеческую природу:

«Ничтожество, дрянь, пустышка, выскочка, Бог весть откуда пришедший пошляк, развязный и наглый враль... из совершенно другой эпохи, среды, но все же является нам несомненнейший первообраз Леона, российский предок этого еврейского героя, впрочем – как и он сам, глубоко «интернациональный» в своей всечеловеческой или даже нечеловеческой сущности – Иван Алексеевич Хлестаков. ...причем в яркости и законченности формулировок ему порой удастся Ивана Алексеевича решительно перещеголять... Подобно Хлестакову, Леон враль по природе, по внезапно осеняющему его вдохновению».

Среди читателей предреволюционного десятилетия был в ходу язык прозы Семена Юшкевича, о чем вспоминает Надежда Тэффи в книге о поездке в 1918 г. в Киев, Одессу, Новороссийск и затем в эмиграцию, рассказывая об утвержденном А.И. Деникиным одесским губернаторе Гришине-Алмазове, который «говорил фразами одного персонажа из «Леона Дрея» Юшкевича:

«Сегодня очень холодно. Подчеркиваю: «очень». «Удобно ли вам в этой комнате? Подчеркиваю: «Вам». «Есть у вас книги для чтения? Подчеркиваю: «для».

Актер Николай Радин, исполнитель роли Леона Дрея в фильме Е. Бауэра, был известен по более ранним театральным постановкам пьес Семена Юшкевича в театре Корша. Как сообщается на одном из театральных сайтов, «режиссер Синельников привлек в Театр Корша Николая Мариусовича Радина, ставшего одним из самых блестящих мастеров московской сцены. Радин соединил в своем творчестве глубокий и тонкий психологизм с виртуозной техникой. Его игра отличалась исключительной грацией, блеском диалога, неповторимым обаянием. ...Синельников упорно боролся не только за качество спектаклей, но – главное – за серьезное направление репертуара. Гвоздем сезона 1906-1907 годов стала пьеса Е. Чирикова «Евреи», в которой обличалась погромная, черносотенная политика царского правительства. В этот же сезон не сходили со сцены «Дети Ванюшина», шли «В городе» С. Юшкевича, «Бог мести» Шолома Аша. ...По поводу ряда современных пьес – Л. Андреева, С. Юшкевича, Ф. Сологуба, М. Арцыбашева, шедших на сценах частных театров, в театральной прессе тех лет велись жесточайшие споры, отражавшие сложные процессы, которые происходили в ту пору в определенных слоях русского общества».

Еще несколько отзывов о постановках пьес Семена Юшкевича в дореволюционных театрах России (выборка сделана с ряда театральных сайтов):

«Театр в «Пассаже». Лучшими из поставленных пьес были «Дети Ванюшина» С.А. Найденова, «Евреи» Е. Чирикова и «Голод» С. Юшкевича. Последние две были сыграны летом 1907 года в Териоках. ...«Голод» же вообще ставился впервые, так как репетировавшаяся в 1905 году в Театре В.Ф. Комиссаржевской драма Юшкевича была запрещена цензурой.

...В сезон 1905/06 года... Комиссаржевская предполагала поставить «Мужиков» Е.Н. Чирикова, «Голод» С.С. Юшкевича, «Ткачей» Г. Гауптмана, «Дурных пастырей» О. Мирбо, «Заговор в Генуе» Ф. Шиллера. Все эти пьесы были запрещены цензурой. Вот выдержки из цензорских рапортов: ...«Пьеса производит потрясающее впечатление, картины голода и страданий нарисованы

мастерской рукой, без грубых внешних эффектов и тем еще углубляют сцену протеста против существующего строя, которым движет вся эта драма», – сообщалось о «Голоде». (<http://teatr-lib.ru/Library/Culture/95-07.>)

...В Московском художественном театре «Miserere» С. Юшкевича. На сцене возникал безрадостный, отчаянный, искривленный быт, где линии жизни и смерти тесно сплетались, где любовная сцена происходила на кладбище, а во время свадьбы стилизованно-застывшие старики-евреи равнодушно взирали на праздничный обряд, чреватый близкой гибелью. ...Цензура вновь усилила свои гонения на театр: признаются «неудобными к представлению» пьесы «К звездам» и «Савва» Л. Андреева, «Король» С. Юшкевича, Синод запрещает байроновского «Каина».

...Театр-кабаре «Летучая мышь». В 1912 году... с рассказом С.С. Юшкевича выступил артист Театра Корша Б.С. Борисов.

...Малый театр... перед Южиным встают те же самые (цензурные) трудности, которые в свое время не позволили Ленскому осуществить замыслы постановок пьес Юшкевича и Чирикова.

...В провинциальных театрах шли пьесы Шекспира, Шиллера, Островского, Л. Толстого, Чехова, Горького, инсценировки романов Л. Толстого, Тургенева, Достоевского, произведения Сумбатова-Южина, Потапенко, Гнедича, Шпажинского, Немировича-Данченко, Чирикова, Юшкевича, Найденова, Рышкова, Арцыбашева, Сарду, Зудермана, Ибсена, Стриндберга и многих других авторов.

...В 1908 году возник Петербургский театр М.Т. Строева. Его труппа состояла из молодых актеров, уже в течение пяти лет вместе выступавших в провинции. Театр открылся 1 октября «Королем» Юшкевича. Спектакль имел шумный успех».

Сегодня на интернет-портале Lib.Ru/Классика помещены произведения Семена Юшкевича, среди них и драма «Король», при чтении которой вспоминается литературный портрет писателя, данный Борисом Зайцевым в указанном ранее некрологе:

«Юшкевич, будучи евреем, нередко будто бы евреев задевал в своем писании, давал так называемые «отрицательные типы» («Леон Дрей») и даже, кажется, в еврейских кругах это ему ставили в некий минус. Если стоять на этой точке зрения, то следовало бы нашего Гоголя совсем заклевать – уж кажется, ни одного

порядочного русского на сцене не показал. Конечно, у Юшкевича была сатира (и кстати, он как раз Гоголя очень ценил, и сам весьма тяготел к гротеску) – но подо всем этим, конечно, пламенная, кровная, органическая любовь к своему народу».

Там же Борис Зайцев вспоминает о встречах Семена Юшкевича в годы парижской эмиграции с ним и с Иваном Буниным «в Париже или в Жуан-ле-Пен (где так дружественно и бесконечно приветливо принимал он нас с Буниным этим летом!)».

Забывтый (и крайне несправедливо, как писал Шимон Маркиш) писатель Семен Юшкевич возвращается из забвения к современным читателям.

Иерусалим

